

СООБЩЕНИЯ

УДК 94.47(571.54)084.5+294.3

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.107–116

Агентурная работа ОГПУ в буддийских общинах в Советской России в 1920-е годы

А.В. Сипейкин

Негосударственное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет “Синергия”»,
г. Москва, Россия

В современной историографии история буддийского обновленческого движения является одной из наиболее популярных тем, однако история «нирванистского», «тарабаевского» и прочих менее известных направлений в буддийской Сангхе не изучена достаточно полно. Между тем сравнение истории этих движений позволяет по-новому взглянуть на историю буддийских общин в советской России. Анализ информационных документов ОГПУ позволяет выявить ключевую роль советских органов безопасности в создании различных разделений внутри буддийских общин. «Обновленческое», «нирванистское» и прочие течения внутри буддийской Сангхи не могли бы существовать без постоянной поддержки со стороны ОГПУ. Поддержка этих движений со стороны рядовых верующих была минимальной.

Ключевые слова: советская антирелигиозная политика, обновленческое движение, «нирванисты», Агван Доржиев.

В 1920-е гг. после создания Государственного политического управления происходит объединение функций органов государственной безопасности и органов внутренних дел. Современные исследователи истории буддизма в раннесоветский период отмечают активную роль ОГПУ в проведении советской антирелигиозной политики. Органы безопасности в 1920-е гг. ведут контроль за перепиской лидеров буддийской общины, проводят вербовку осведомителей среди духовенства, стараются нейтрализовать наиболее влиятельных буддийских священнослужителей (лекарей – эмчи и астрологов – зурхачи)¹. Пошедшие на контакт с чекистами буддийские священнослужители хотели не только сохранить своё влияние на верующих, но и «сохраниться как законный общественный институт» через сближение с руководством партии. Между тем сами представители власти рассматривали

¹ Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста, 2007. С. 113–114, 132.

свою поддержку обновленческого движения лишь как способ внести раскол в ряды буддийского духовенства². Так, на заседании Бурят-монгольского Областного Комитета РКП от 25 августа 1924 было принято решение оказать поддержку обновленчеству, «но вместе с тем не допускать чрезмерного его усиления и укрепления, принимая все меры к компрометации буддийского духовенства и религии в целом безотносительно к тому или иному направлению»³.

Для сближения с властью и интеграции в новое общество на условиях сохранения своей веры буддисты пытались создать собственные организации вроде «комитета для сближения с буддийским востоком» в Петрограде (его создавали представители петроградской буддийской общины и ведущие русские востоковеды). Среди задач предполагаемого комитета было «содействие к сближению в культурно-просветительской области России с буддийскими народами». Однако у власти подобные попытки вызывали лишь настороженность. Восточный отдел Государственного политического управления Петроградского округа в ответ на эти попытки «сближения» решил установить наблюдение за деятельностью буддийского храма и существующей при нём общины в Петрограде⁴.

Взятый на вооружение некоторыми современными историками нарратив об эпохе «золотого века буддизма» в советской России 1920-х гг. отчасти опирался на факты, свидетельствующие о сравнительно благожелательном отношении власти к буддийской Сангхе. Как доказывал лидер буддийских обновленцев, «если мы сравним жизнь при царском режиме и при советской власти, то станет очевидным, что нам дана необычайная религиозная свобода»⁵. А. Доржиев писал даже, что «Советский Союз стал предметом всеобщего удивления и восторга»⁶. Но мотивы такой благожелательности власти А. Доржиев и другие обновленцы либо не понимали, либо не решались озвучить свои мысли по этому поводу в публичном дискурсе.

Начиная с 1925 года разворачивается непримиримая борьба против буддийских общин⁷, в которой можно выделить несколько основных аспектов, связанных со стремлением подорвать авторитет буддизма в глазах верующих, желанием власти подорвать экономическую базу общины, прекратить воспроизводство знаний о буддизме в новых поколениях калмыков и

² Басхаев А.Н. Указ. соч. С. 120, 132.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 777. Л. 57.

⁴ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–2.

⁵ Успенский В.Л. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году. // *Mongolica*. 2021. Т. 24. № 2. С. 52–57.

⁶ Бакаева Э.П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чойра в Калмыкии // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2013. № 4 (12). С. 10.

⁷ Синицын Ф.Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013. С. 38.

бурят, а также со стремлением нанести сокрушительный удар по организационной структуре религиозной общины. При этом власть не отказалась от прежних методов, с успехом апробированных в начальный период «религиозного НЭПа» – внесения раскола в ряды верующих. И одновременно с этим делались попытки искусственно создать новые оппозиционные движения внутри Сангхи. Причём это была долгосрочная стратегия, принятая на вооружение ещё в самом начале существования обновленческого раскола в Сангхе, когда работники ОГПУ поставили себе задачу спровоцировать новые расколы внутри уже образовавшихся при их поддержке движений, в первую очередь имеющих большую поддержку населения и потому более опасных консерваторов. Как считал сотрудник Восточного отдела ОГПУ Петросьян, следовало «вести дальнейшую работу по углублению раскола среди консервативного ламства, поставив себе целью раскалывать консерваторов на более мелкие группы, этим самым убивать в зародыше всякие их потуги к организационному укреплению»⁸.

В буддийских общинах действовала разветвлённая сеть осведомителей и «специальных агентов». Они позволяли осуществлять постоянное наблюдение за деятельностью буддийских священников, особенно наиболее авторитетных⁹. Через своих агентов ОГПУ вёл активную работу внутри буддийских монастырей, соответствующую принципу «разделяй и властвуй». Кроме хорошо изученного в современной историографии обновленческого движения, под влиянием агентов советских органов безопасности возникает целый ряд других течений внутри буддийской Сангхи.

В 1926 г. работниками органов безопасности Бурят-Монгольской республики по указанию Восточного отдела ОГПУ создаётся «независимая группа» лам «нирванистов». В написанной в феврале 1929 г. докладной записке местные работники ОГПУ откровенно признавали, что «основной целью организации этой группы было создание раскола консервативного духовенства на две группы». При создании этой группы чекисты «исходили из того, что по возможности нужно раздробить ламство на ряд групп и что для дезорганизации ламства недостаточен раскол последнего на обновленцев и консерваторов, а нужно и самих консерваторов разбить на две группы, создав среди них «левое» крыло». Поскольку «нирванисты» должны были представлять «третью силу», отличную как от консерваторов, так и от обновленцев, в программе и уставе этой группы были поставлены «совершенно другие задачи»: «изучение по первоисточникам истинных путей к «нирване», открытая критика «разных обрядностей, существующих в культе ламаизма, разоблачение перед верующей массой надувательских и шарлатанских приемов, употребляемых ламством с целью наживы, отрицание

⁸ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162. Л. 51–69.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1509. Л. 29–30.

культы хубилганства, гуртанства и иерархического деления ламства по искусственно – созданным почетным званиям и должностям»¹⁰. Представители направления «нирванистов» (иногда в документах ОГПУ они называются «нирвановцами») пытались добиться «усиления связи и влияния среди религиозного населения». Этому они добивались, организуя доклады и диспуты, которые должны были «посвятить массу в сущность... буддийской философии». Также они планировали заняться пропагандой религиозных идей на монгольском языке через издание книг, брошюр и листовок¹¹.

Власть сумела добиться того, что из числа консерваторов в вновь созданную группу к началу 1929 г. перешло около 100 лам из Анинского дацана. Причём сами работники ОГПУ отмечали, что группа «нирванистов» «существует только на бумаге, она по своей практической работе не отличается от остальных консерваторов». При этом сами «нирванисты» «в большинстве своём рассматривают свою группу, как приспособленчество и как ширму для прикрытия их действительного (консервативного) лица». Власть подозревали, что представители этого искусственно созданного течения «выдвигая на бумаге «левые» фразы сумеют вовлечь массу в свою сторону для борьбы с обновленцами». «Идейных, действительно «по душе» разделяющих задачи группы» работники ОГПУ насчитывали всего 10–15 человек. Малочисленности течения способствовало то, что ранее состоявшие в группе миряне были из него исключены. Причём организационному укреплению созданной группы и расширению влияния «нирванистов» на другие дацаны препятствовали директивы того же Восточного отдела ОГПУ, по инициативе которого эта группа была создана. Поэтому местные органы безопасности ограничились лишь выявлением лиц, сочувствующих идеям «нирванистов» в других дацанах Бурятии, не переходя к организации раскола в пределах Бурятии в целом¹². К сожалению, сами директивы Восточного Отдела, связанные с организацией течения «нирванистов», проанализировать пока не удалось. Возможно, что на ситуацию повлияло изменение международной обстановки. Можно предположить, что в Восточном отделе поняли, что наступило время для более решительных мер в борьбе с буддизмом, и удар нужно наносить теперь по всем течениям в буддизме одновременно. С этим и было связано то, что работу по развитию «нирванизма» поставили «на паузу». Изначально созданием группы «нирванистов» власть явно пыталась добиться решения одновременно двух задач: ослабить более сильную группировку «консерваторов» и, поощряя критику «нирванистами» «шарлатанства» лам, дать дополнительный материал для антирелигиозной агитации. Однако изменившиеся обстоятельства заставили оставить новое течение в «спящем» состоянии.

Переход группы «нирванистов» в более активное состояние признавался возможным лишь при условии, что органам безопасности удастся

¹⁰ Там же. Оп. 7. Д. 412. Л. 38.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162. Л. 98–116.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 39–40.

«обеспечить группу достаточным квалифицированным осведомлением», что должно было обеспечить «полное влияние» и возможность направлять «ее работу по нужному для нас пути». Особо оговаривалось, что существующие между разными течениями «догматические и обрядовые расхождения... необходимо углублять всё больше и больше, лишая этим возможности расти примиренческим тенденциям». Вредным признавалось чрезмерное организационное укрепление «нирванистов» и рост этой группы свыше определённого лимита, полезного «для разложения ламства». Проведение этих мероприятий, связанных с активизацией «нирванистов», должно было «углубить раскол ламства и привести к установлению такого «равновесия» сил, которое даст возможность довести внутреннюю борьбу ламства до максимальных пределов и тем добиться ослабления и разложения ламства, как активной реакционной силы»¹³.

В Агинском дацане работники органов безопасности попытались углубить существующие внутри общины разногласия и спровоцировать новый раскол между так называемыми «доромбистами», т. е. ламами с высоким учёным званием, и «габжинарами» – «ламами, которым предстояло получить звание «габжи». Разногласия были связаны с порядком получения ламами этого звания после определённого срока пребывания в дацане. «Доромбисты» настаивали на том, чтобы «звание «габжи» получал тот, который действительно подготовлен и заслуживает звания «габжи», и чтобы посвящение в «габжи» производилось по экзамену. Недовольство изменением правил власти попытались использовать для организации нового оппозиционного течения. В докладе работников ОГПУ отмечено, что «приняты меры к углублению этого раздора»¹⁴.

От тактики внесения раскола в буддийские общины советская власть не отказывалась и в разгар репрессий против духовенства в 1930-е гг. Так, летом 1933 г. в дацанах Хоринского района Бурят-Монгольской республики работники ОГПУ с удовлетворением обнаружили «отдельные тенденции раздора среди ламства на почве внутридацанских религиозных вопросов». Разногласия возникли на почве недовольства разделением средств, полученных в ходе проведения молебна «Джуднар», которые достались только наиболее авторитетным ламам, непосредственно задействованным в проведении церемонии. Тенденции к разделению были своевременно «поддержаны и приняты агентурные мероприятия к их дальнейшему углублению с расчётом вовлечения в это дело возможно широкий круг ламской массы и, тем самым, введения элементов внутренней дезорганизации рядов ламства этих двух дацанов», которые являлись основными «командными» дацанами района. Работникам ОГПУ удалось добиться того, что разногласия между буддистами Хоринского района «переросли в крупнейший раздор, в который втянулось всё ламство этих двух дацанов, расколовшись на два враждующих лагеря: «джуднары» и «противо-джуднары». Организаторы раскола

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 63–63 об.

¹⁴ Там же. Л. 44.

надеялись, что с его помощью они добьются «самозакрытия» дацанов. Также местные работники ОГПУ надеялись на то, что сумеют с помощью внесённой в общину смуты добиться дискредитации Сангхи как таковой и были готовы даже дать противоборствующим сторонам возможность опубликовать свою точку зрения в местной прессе. Правда, судя по сделанным на информационном документе надписям, последнее предложение не встретило понимания в центральных органах ОГПУ. Гораздо более удачной была выдвинутая местными работниками идея «организовать массовый организованный отказ молодых лам от сана через объявление в газете с разоблачением ламства». Власти надеялись, что это будет иметь «опустошающее значение для дацанов». Согласно сделанным работниками местного ОГПУ подсчётам, в Анинском дацане было всего около 100 лам. Из них, как надеялись представители силовых органов, человек 65–70 могли отречься от монашеского служения. Остальные 30–40 из верхушки были «почти все замешаны в антисоветской агитации и прочих делах». К тому же из оставшихся после ухода «молодых» лам 30–40 монахов 30–40 % «глубоких стариков, которые оставшись одни будут равняться нулю». Аналогичной, по оценке местного ОГПУ, была и ситуация в Кижинкинском дацане. Как считали работники органов безопасности, «не будет риском, если встанем на путь использования молодых выходцев организованным порядком на лесозаготовках, дорожном строительстве и т. д., а антисоветскую головку на основе имеющихся материалов, подвергнуть изоляции». Успех этих мероприятий был возможен, разумеется, при условии их проведения «с максимальной продуманностью» и с использованием «целого ряда умелых комбинаций чисто агентурного порядка»¹⁵. Таким образом, сам факт возникновения всё новых и новых расколов среди буддистов, несомненно, облегчал процесс закрытия монастырей и к тому же давал дополнительный ценный материал, который можно было использовать для атеистической пропаганды.

Между тем информационные документы ОГПУ позволяют предположить, что в целом возникшие в буддийской Сангхе расколы носили во-многом искусственный характер. Так, в докладе, посвящённом положению ламства в 1932 г., работники ОГПУ с огорчением отмечали, что «раскол среди ламства на обновленцев и консерваторов фактически стёрся. Кое-где (Цугольский, Кеженгинский дацаны) номинально деление на обновленцев и консерваторов остается. Однако никакой реальной почвы под этим нет, та и другая сторона забросили религиозную борьбу. Основная причина существования таких групп боязнь, что власть отнесётся отрицательно к объединению»¹⁶. И действительно, раскол сохранялся лишь потому, что власть своевременно пресекала любые попытки членов буддийской Сангхи найти общий язык. В её планах было уничтожение религиозной общины как таковой. Это было сделать гораздо проще, если сохранить её разделённой на враждующие фракции. Так, работниками ОГПУ предпринимались меры,

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1509. Л. 56–59.

¹⁶ Там же. Л. 87.

направленные на то, чтобы расстроенные передачей дуганов «консерваторам» обновленцы снова воспряли духом¹⁷. В информационных документах ОГПУ откровенно признаётся, что предпринимаемые «организационно-агентурные мероприятия... направлены к разложению ламства Бурятии, как единого целого на отдельные группы, враждующие между собой и тем самым дезорганизуящие ламство»¹⁸. В тех случаях, когда намечалась перспектива примирения противоборствующих группировок, органы безопасности своевременно принимали «меры к углублению раздора»¹⁹.

Без вмешательства со стороны советской власти достаточно быстро преодолевался и другой спровоцированный органами безопасности раскол – между «старыми» и «молодыми» консерваторами. Это было связано с тем, что разделение оказалось недостаточно глубоким, так как возникло в связи с тем, что представители старшего поколения буддийских священников во главе с Гармаевым не могли добиться от власти решения о передаче им молитвенных сооружений. Как только вопрос о дуганах разрешался в пользу консерваторов, существовавшие разногласия переставали быть актуальными, и раскол мог сойти на нет. Чтобы предотвратить такое развитие событий, сотрудники органов безопасности старались передавать молитвенные здания в руки именно «молодых» консерваторов, возглавляемых Гарабаевым, и предпринимали меры к тому, чтобы спровоцированный ими конфликт не затухал. По указанию работников ОГПУ «молодые» консерваторы рассылали по дацанам воззвания. На собрании «молодых» лам было принято постановление о том, что «старые» консерваторы – «обманщики, реакционеры», «необходимо ликвидировать деления на больших и малых по духовным званиям, вместо существующей структуры Управления духовенством надо учредить Институт ученых, который будет ведать всей духовной деятельностью ламства». Всё это должно было подготовить «почву к образованию двух непримиримых друг с другом групп в лагере консерваторов». Однако проблема заключалась в том, что данному расколу не хватало социальной базы. В глазах основной части верующих «старые» ламы – консерваторы продолжали пользоваться авторитетом, рядовые буддисты осуждали «глупость» молодёжи в рядах священнослужителей. Большинство верующих поддерживали авторитетных «старых» священников. В документах фиксируются высказывания рядовых буддистов о том, что «наша молодежь, выпуская обращение против своих учителей, допустила большую ошибку. Это большой и непоправимый грех. Наш учитель Гармаев ни в чем не виновен. Мы должны его защитить. Его надо вторично избрать ширетугем дацана, этого он заслуживает». «Комсомольские» методы борьбы вроде подбрасывания испражнений в дом лидера консерваторов Гармаева в борьбе за души верующих помогали мало. Равно как и наклеивание на его жилище анони-

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 28–29.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 43–44.

мок вроде процитированной в информационном документе ОГПУ: «Ты, высокошапочный посетитель нашего дугана, прекрати свое посещение, если желаешь участвовать в хурале, то на равных с нами правах»²⁰. Такими методами можно было лишь запугать малодушных, но они не могли поколебать сложившиеся убеждения лидера традиционного крыла Сангхи. Чтобы усилить позиции «молодых», работники органов безопасности пытались «изолировать мирянскую массу от групповой борьбы... ламства»²¹. Предпринимались также попытки распространить данный раскол за пределы Агинского дацана. В частности, власти спровоцировали конфликт между «старыми» и «молодыми» консерваторами в Ново-Челутайском дугане²².

Но по мере ужесточения антибуддийской политики власти необходимость объединения становилась всё более очевидной. Как отмечается в информационных документах 1930-х гг., «ламы которые 2–3 года тому назад в пылу межгрупповой борьбы были готовы всячески очернить друг друга, теперь эти расхождения в толковании основных догматических положений буддизма... отодвинули совершенно на задний план». Теперь они были «увлечены» не «межгрупповой борьбой», а «борьбой против общего врага». Причём, как отмечают авторы специальной сводки, «консолидация ламства, как активной контрреволюционной силы произошла на платформе сторонников т. н. консервативного течения»²³. Представляется, что одной из основных причин того, что объединение происходило именно на платформе консерваторов, сыграл тот факт, что именно они пользовались безоговорочной поддержкой большинства верующих.

Таким образом, анализ информационных документов показывает, что само разделение внутри буддийской общины на обновленцев и консерваторов, «молодых» и «старых», «нирванистов» и т.д. имело во многом искусственный характер. Власти внимательно изучали существующие среди верующих течения, фиксировали все возникавшие разногласия и старались раздуть любую искру, разжечь костёр конфликта, провоцируя новые расколы внутри Сангхи. Но условием существования этих разделений было постоянное воздействие на общину через внедрённых в неё агентов. Причём механизмы этих воздействий, очевидно, мало чем отличались от тех, которые использовались для внедрения раскола в Русской Православной церкви, мусульманской Умме и протестантских конгрегациях. Были похожи и проблемы, которые встали перед организаторами расколов в Православной церкви и Сангхе. Они были связаны, в первую очередь, с тем, что искусственно созданные расколы не имели достаточной социальной базы. Основная масса верующих не поддерживала сторонников радикальных реформ.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 17, 28, 43.

²¹ Там же. Л. 30.

²² Там же. Л. 66.

²³ Там же. Оп. 11. Д. 1509. Л. 11.

Список литературы:

1. Бакаева Э.П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чойра в Калмыкии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12). С. 7 – 14.
2. Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007.
3. Синицын Ф.Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013.
4. Успенский В.Л. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году // Mongolica. 2021. Т. 24. № 2. С. 52–57.

Об авторе:

СИПЕЙКИН Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных наук, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1), e-mail: sipeykin@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-3235-0297

Secret-service activities in Buddhist communities in Soviet Russia in 1920-s

A.V. Sipeykin

Moscow University of Industry and Finance «Synergy», *Moscow, Russia*

The history of the Buddhist renovationists is one of the most popular themes in the modern historiography, but the history of ‘nirvanists’, ‘tarabaevtsy’ and other less influential movements inside the Buddhist Sangha has not been studied completely. Meanwhile, the comparison between these movements can shed light on several important aspects of the history of the Buddhist communities in Soviet Russia. The analysis of documents of the OGPU reveals the great significance of the influence of the Soviet secret services in creating different divisions among Buddhist communities. ‘Renovationists’, ‘nirvanists’, and other groups inside the Sangha couldn’t even exist without continuous support of the OGPU. Their support from the grassroots was minuscule.

Keywords: Soviet antireligious policy, renovationist movement, ‘nirvanists’, Agvan Dorjiev.

About the author:

SIPEYKIN Alexander Viktorovich – Candidate of History, Associate Professor, Department of Fundamental Legal and Social Sciences and Humanities, Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (Russia, 129090, Moscow, Meshchanskaya St., 9/14, building 1), e-mail: sipeykin@yandex.ru

References

- Bakaeva E.P., *Repressii protiv duhovenstva o zakritii visshei konfessionalnoi shkoli Choira v Kalmikii*, Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2013, № 4 (12), S. 7–14.
- Bashaev A.N., *Buddiiskaya cerkov Kalmikii. 1900–1943 gg.*, Elista, ZAO «NPP «Djangar», 2007.
- Sinicin F.L., *«Krasnaya burya». Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.*, SPb., 2013.
- Uspenskii V.L., *O nesostoyavsheysya missii v Tibet Agvana Dorjieva v 1928 godu*, Mongolica, 2021, T. 24, № 2, S. 52–57.

Статья поступила в редакцию 22.06.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.